
А. Б. – А. Д. БАРАТЫНСКАЯ – А. Д. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВА
(Черты личности, литературные контакты и деятельность)

НАТАЛИЯ ГОНЧАР-ХАНДЖЯН

Начиная с двадцатых годов и на протяжении всего XIX века стихотворений ни одного европейского поэта не переводили в России так много и так многократно, как Генриха Гейне. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с данными библиографии, изданной в Москве в 1958 году¹. Начало переводам из Гейне положили Тютчев и Лермонтов, за ними последовали чуть ли не все из лучших русских поэтов (А.К.Толстой, Фет, Майков и Мей, Плещеев, Ап.Григорьев, К.Павлова, Случевский и др.), переводили приверженцы так называемого «чистого искусства» и те, кому Гейне был важен как соратник в борьбе за искусство активно-общественного звучания (Михайлов, Шелгунов). Примечательно, что к последним присоединились со своими немалочисленными переводами даже не поэты, а критики из лагеря революционной демократии – Добролюбов и Писарев. Переводили десятки и десятки любителей, и профессионалов стихотворного перевода. И примечательно еще одно: при всех различиях мировоззренческого порядка, в художественных установках, а равно и возможностях, переводчики Гейне сходились (или сходились) в одном – их влекли, вновь и вновь, стихотворения из знаменитой «Книги песен» Гейне-романтика и, во вторую очередь, из сборника «Новые стихотворения»², именно на этом поле видим мы многократность переводческих обращений к одним и тем же магнетически, что ли, действующим стихам Гейне-лирика. Ну, скажем, помимо лермонтовского «На севере диком...», стихотворение это наберет еще 12 переводов, «Отчего так бледны розы...» – 15, «Красавица-рыбачка» – 15, «Из слез моих много родится...» – 13, «Лоре-лея» – 12 и так очень многие. Чем объяснить, что статья об интересующей нас личности начата с обращения к очень представительной библиографии 1958 года и к некоторым ее данным? Объяснение тут следующее: в Указателе имен (а имен здесь много – страницы 703-718) на первой же позиции мы видим инициалы – **А. Б.**, при которых указано 6 единиц. Инициалами подписаны 6 переводов, публиковавшихся в журнале «Вестник Европы» в 1875-м и в 1877 году. Некоторые из этих переводов входили затем и в изданные в XIX веке сборники Гейне, а один продолжал входить и в целый ряд изданий XX века вплоть до

¹ См. «Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке». Составитель А.Г.Левинтон. Ответ. редактор Я.М.Металлов. М., 1958.

² В указ. библиографии в разделе переводов львиную долю страниц по стихотворениям (всего их около 390) занимают: «Книга песен» – 190 с., «Новые стихотворения» – 100 с.

«Избранных произведений» 1950 г. (под редакцией Я.М. Металлова, он же и ответственный редактор библиографии). Инициалы **А.Б.** кочевали из одного издания в другое, из них в библиографию, составлявшуюся в пятидесятые, так и оставаясь не раскрытыми – надо полагать, по той причине, что личность, за ними кроющаяся, в этот, политически-идеологически маркированный, период времени не вписывалась в поле историко-филологического внимания. Такое внимание проявилось позднее – в ряде публикаций (одна из них раскрыла и инициалы **А.Б.**)³, вновь вводивших в литературно-научный оборот достаточно примечательные сведения, на основании которых сложилась насыщенная фактами и, можно сказать, представительная (в две колонки) статья в первом томе большого шеститомного библиографического словаря «Русские писатели. 1800 - 1917» (М., «Советская энциклопедия», 1989, с.157-158), и вот первые строки этой статьи: «**Баратынская Анна Давыдовна** [урожд. княжна **А б а м е л е к - Л а з а р е в а**; 3(15).4.1814, Петербург (?) – 13(25). 11.1889, Петербург], поэтесса-переводчица. Род. в знатной и богатой арм. семье. Получила дом. образование...».

Своей указанной здесь двойной армянской фамилией Анна Давыдовна обязана породнению двух знаменитых армянских династий, ведущих свою историю и генеалогию в России с XVIII века – Лазаревых и князей Абамелек. Обе эти династии внесли значительный вклад в экономическую, политическую, культурную жизнь России, были причастны к славе русского оружия и сегодня хорошо известны широким (в том числе, можно сказать, и экскурсионным) кругам такими плодами своего меценатства, как Лазаревский институт восточных языков, основанный в Москве (1815), Армянское Ваганьковское кладбище (с церковью Воскресения Христова) в Москве (1805), Армянская церковь св.Екатерины на Невском проспекте в Петербурге (1772), как Римская вилла Абамелек, которая была завещана последним ее владельцем князем С.С.Абамелек-Лазаревым императорской Академии художеств (1916) и в которой с 1947 года располагается Российское посольство в Италии, сами же итальянцы считают ее одним из украшений Рима.⁴

Породнение династий, приведшее впоследствии к появлению фамилии Абамелек-Лазаревых, произошло, когда отмеченный несколькими наградами участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов полковник

³ См. **В. Стефанович**. Переводчица русских и немецких поэтов. – Русская литература, 1963, № 4, с.142-151. Далее в тексте указывается в скобках страница.

⁴ О представителях рода князей Абамелек и династии Лазаревых, о разносторонней их деятельности существует сегодня немалая литература (в том числе в Интернете), работы как армянских, так и русских авторов, основанные на разыскании и изучении многочисленных исторических документов и архивных материалов. Укажем, в частности, ряд работ ученого-востоковеда **А. П. Базиянца**: А.Б.Абамелек. – Историко-филологический журнал. Ер., 1968, № 4; Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; Над архивом Лазаревых. Очерки. М., 1982; По портретной галерее Лазаревых и Абамелек-Лазаревых. Ер., 1996. См. также: **Ипполитова Г., Гасперович В.** Владельцы «Виллы Абамелек». СПб., 2005; материалы в сборниках: «Первые Лазаревские чтения по истории армян», М., 2003, «Вторые Лазаревские чтения по истории армян», М., 2006, «Третьи Лазаревские чтения...», М., 2009.

(в дальнейшем генерал-майор кавалерии) князь Давид Семенович Абамелек женился на Марфе Екимовне – дочери основателя в Москве училища, позже ставшего Лазаревским институтом восточных языков, Екима (Овагима) Лазарева. В такой вот «знатной и богатой армянской семье» родилась, росла и воспитывалась, получая прекрасное «домашнее образование», княжна Анна Абамелек, в альбом которой в апреле 1832 года были написаны Пушкиным эти стихи:

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели, с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь⁵.

Привлекавшая к себе внимание в высшем свете и красотой, и умом, и образованностью, княжна Абамелек в 1832 г. была пожалована во фрейлины императрицы, а в 1835-ом вышла замуж за блестящего офицера, пользовавшегося «высочайшим благоволением» флигель-адъютанта Ираклия Баратынского (младшего брата поэта Евгения Баратынского). С полученной в замужестве фамилией – Баратынская – и вошла она в историю русской литературы, не потеряв, однако, связи с армянским своим корнем, родством и фамилией. А о том, что «корень» этот не сводился к унаследованной фамилии, что сказался он отнюдь не только «южным профилем», «восточной» красотой лица и особенно глаз, воспетой в стихах поэтами, запечатленной в портретах художниками⁶, что участвовал этот «корень» с ранних лет в воспитании, формировании личности, ее эмоционального и поведенческого склада, говорят, к примеру, сведения, которые – со ссылками на архивные источники – приводит в своей (и в ряде других отношений интересной) статье О. В. Михайлова. Вот что читаем мы в этой статье:

«Сохранилось несколько писем Марфы Екимовны, написанных родителям в 1817-1823 гг. Судя по письмам дети в этой семье воспитывались в духе глубочайшего почтения к родителям. В семье говорили и писали по-русски и по-французски, кроме того, все дети обучались армянскому языку /.../ Анну

⁵ А. С. Пушкин. СС в 10 томах. Т. 2, М., 1974, с. 282. С семьей Абамелек Пушкин познакомился в лицейские годы. В Царском Селе стоял лейб-гусарский полк, Пушкин общался с служившими в нем офицерами (П.Я.Чаадаев, Н.Н.Раевский и др.), в их числе и с полковником кн. Д.С.Абамелеком. Там в 1915 г. и довелось ему «нянчить» маленькую Анну. Впоследствии, в 1830-ые, они встретились в Петербурге.

⁶ Об исполненных в разное время и разными художниками, хранящихся в различных российских музеях портретах Анны Абамелек см. в: О. И. Михайлова. Портреты А.Д.Абамелек. – Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20, Л., 1986; А. П. Базиянц. По портретной галерее Лазаревых и Абамелек-Лазаревых. Ер., 1996.

Марфа Екимовна начала учить армянскому языку, когда девочке исполнилось семь лет: «Начала учить Анюту мою по-армянски, и смею уверить вас, что никогда не упущу из виду целительные наставления ваши и первым долгом всегда буду считать, чтобы дети мои совершенно знали национальный язык свой». Как видно, лингвистические способности проявились у девочки очень рано, так как «для такого короткого времени она сделала [...] много успехов». Все свои письма Марфа Екимовна подписывает: «покорнейшая и послушнейшая дочь ваша», и это не просто слова – она действительно очень послушная дочь, во всем следующая советам родителей /.../ В том же духе любви и почтительности воспитывают Абамелеки своих детей: «... внушаем малолеткам нашим чувство неограниченного почтения, привязанности и любви, которыми и мы к вам преисполнены». Так же относятся супруги Абамелеки и друг к другу.

Анна Абамелек во многом унаследовала характер матери и духовно была очень близка с ней. В Рукописном отделе Пушкинского дома среди бумаг Анны Давыдовны хранится листок со стихами кого-то из родственников («душа родных вас поздравляет»), озаглавленный «На два рождения княгини и княжны», где есть такие строки:

И мать и дочь! Ваш день рожденья
Есть день для вас соединенья.
Ум, сердце – все у вас слилось,
Душа с душой соединилась,
Мысль с мыслью навсегда сроднилась...⁷

«Душа» и «мысль», привитые в родительском доме, воспринятые от матери, которую так красноречиво характеризуют выдержки из ее писем, всецело проявятся и в дочери.

Не менее красноречиво характеризует дочь Анну, склад ее «души» и «мысли», ее склонности, предпочтения, жизненные выборы и поведение (сформированные среди старших Абамелеков и Лазаревых) и письмо, написанное ею родным в первое лето после свадьбы (1836, июль), которое она, не желая расставаться с мужем, проводит в военных лагерях лейб-гусарского полка, а в полку, заметим, служит и ее брат Семен Абамелек, и Михаил Лермонтов – товарищи уже до этого по школе гвардейских юнкеров. Благодаря разысканиям О.И.Михайловой мы можем познакомиться с этим письмом: «Я с

⁷ О.И.Михайлова, ук. соч., с.66-67. Отметим и то, что в статье приводятся выдержки из писем Марфы Екимовны родителям, где не раз сказано, как Аня «беспременно» про бабушку и дедушку «спрашивает», «поминает», «постоянно говорит /.../, что любит» (с.69-70). Примечательно и другое приводимое в статье сведение: «Пожалование во фрейлины внесло мало перемен в жизнь А.Д.Абамелек, ибо она продолжала постоянно жить в Москве с родителями и появлялась при дворе только во время непродолжительных приездов в Петербург. В камер-фурьерских журналах, где регистрировались все события дворцовой жизни за 1832 – 1835 гг., ее имя появляется лишь дважды ...». В мае 1833 г. она приезжала в Петербург перед отъездом за границу с семьей, сопровождавшей на лечение тяжело больного Д.С.Абамелека, после кончины отца с семьей же вернулась в ноябре 1834 г. При дворе стала появляться в 1835 г.

половины июля веду жизнь совершенно боевую. Живу в лагере в избе крестьянской, тесной, душной, но, к счастью моему, чистой. Слышу только звук трубы и оружий, ибо под окнами нашими гаубвахта, но, несмотря на шумное однополое изображение жизни сей, я здесь, как и всюду, счастлива и довольна, когда муж мой близ меня. Часто разлучают нас маневры, учения и дежурства при государе императоре в Красном Селе, но с некоторого времени погода так дурна, что нельзя было даже делать учений, и признаюсь чистосердечно, что я была признательна дождю, когда он мне доставлял отраду быть чаще с мужем моим вместе. Я так довольна своей судьбой, что не завидую ни богатству, ни почестям. Несмотря на то что я быть бы могла в большом свете. Мы всегда удостоены вниманием царским и в особенности милостями императрицы, и всегда получаем в обществе самый приветливый прием. Ни занятия военной службой, ни состояние наше не позволяют нам что называется *courtir le mond* (кружиться в свете – Н.Г.-Х.). К тому я не имею склонности с тех пор, как счастлива у себя, но иногда необходимо нам посещать двор. Рождение императора и императрицы провели мы в Петергофе. Государыня ко мне необыкновенно милостива /.../ Граф Виельгорский мне сказал, что я буду приглашена за Двором в Гатчину на трехдневные маневры. Несмотря на хлопоты беспрестанных переселений, я очень довольна честью сей, в особенности потому, что буду там видеть Ираклия. С ним расставаться я думаю, что не привыкну никогда. Вот подробное описание о нашем житье-бытье /.../ Муж мой поручает изъяснить вам свою преданность. Брат Сеня сам хочет вам писать. Он добрый и прекрасных свойств молодой человек. Самолюбие сестры в сторону, я должна сказать вам откровенно, что он слышит в полку примером хорошей нравственности и поведения. Муж мой его любит братски, и мы всегда втроем неразлучны...»⁸.

Черты личности, достаточно показательно проявляющиеся в этом письме, проявятся и во всей дальнейшей жизни Анны Давыдовны. «Круженья в свете» не будет, хотя молодая очаровательная фрейлина, удивляющая своей образованностью и талантами, привлекла в нем к себе и живое внимание, и благорасположение. Будет – в меру «необходимости» и «почтения» – этикетное, так сказать, участие в придворной и великосветской жизни, будут и посещения петербургских салонов, собирающих людей литературы, искусства (у Карамзиных, Вяземских, Виельгорских и др.), но все это – «иногда». А главное всегда по-прежнему – *«не завидую ни богатству, ни почестям», «счастлива у себя», «счастлива и довольна, когда муж мой близ меня», «с ним расставаться... не привыкну никогда»* (курсив наш – Н. Г.-Х.). Вышедший в отставку генерал-майор Ираклий Баратынский назначен будет губернатором сначала в Ярославль (1842), затем в Казань (1846-1857) и за службу свою на этом поприще удостоится многочисленных наград. Неразлучная с ним жена проживет эти годы в Ярославле и Казани. Восприняв семейную традицию благотворительности, попечительства, займется здесь, в частности, делами

⁸ О.И.Михайлова, ук.соч. ,с. 75-76.

милосердия, возьмет на себя труды и заботы главной попечительницы приютов в Казанском учебном округе (1847-1854), за участие в попечительской деятельности по женским учебным заведениям будет награждена орденом св.Екатерины, с 1856-го по 1863 год она – почетная попечительница при Управлении женских учебных заведений. Спустя два года по возвращении в Петербург (1857) Ираклий Баратынский, теперь уже генерал-лейтенант, сенатор, умирает (1859), сорокапятилетняя Анна Давыдовна остается вдовой, со временем живет преимущественно за границей (Германия, Баден-Баден) и, как пишет А.П.Базиянц, «выпавшие на ее долю долгие вдовьи 30 лет она посвятила литературной и благотворительной деятельности»⁹.

Литературная деятельность сказалась двояко¹⁰.

Во-первых, публиковавшимися в 1870-х в журнале «Вестник Европы» за подписью **А.Б.** переводами из Гейне, Гейбеля, Томаса Мура, Лонгфелло, затем изданием сборника «Переводы немецких, английских и французских стихотворений» (Баден-Баден, 1876-1877). В сборник вошло 46 стихотворений, из них Гейне – 25 стихотворений, Т. Мура – 3, Лонгфелло – 3, из других поэтов по одному. Работала А.Б. и над переводом поэмы Шиллера, который издала отдельно (Карлсруэ, 1878) под заглавием «Вольный перевод из Шиллера (Resignation)».

Во-вторых, тремя (от первого к третьему перерабатываемыми и пополняемыми) изданиями (1875-1876, 1878, 1882, Баден-Баден) английских переводов из русской поэзии, а также нескольких из немецкой. Название этих изданий, уточненное со второго: «Translations from Russian and German poets by a Russian Lady». Издания, как видим, опять-таки анонимные («by a Russian Lady»), но, по описанию В. Стефанович, на втором и третьем издании «виднеются те же инициалы А. Б., на этот раз в виде изящной монограммы, украшающей наподобие виньетки обложку и титульный лист» (с.148).

Однако задолго до переводов стихотворений европейских поэтов на русский и русских поэтов на английский, до публикаций А. Б. в «Вестнике Европы», до издания сборников состоялся литературный дебют юной княжны Анны Абамелек. Ею была переведена на французский (прозой) и заботами Лазаревых издана в Москве (1831) одна из лучших русских романтических поэм, а именно вышедшая в 1825 г. поэма Ивана Козлова «Чернец» – поэма, которую сам Козлов считал любимым детищем своей фантазии и которая по выходе в свет принесла ему славу одного из первых русских поэтов. Тогда же примерно перевела она на французский стихотворение Пушкина «Талисман», к переводу была написана музыка композитором Н.С.Титовым, и издан он был как романс (Le Talisman. Romance russe... trad. en francais par la princesse Anne Abameleck) без указания места и года.

⁹ **А.П.Базиянц.** По портретной галерее..., с.52.

¹⁰ См. об этом подробно в вышеуказанной статье **В.Стефанович**, основанной на тщательно изученных автором архивных материалах, в частности хранящихся в фондах самой А.Д.Баратынской в центральных архивах.

В 1832 году молодая княжна, утонченно воспитанная, образованная, начитанная и в особенности увлеченная поэзией, завела альбом, куда и записал ей свое стихотворение Пушкин, а чуть ранее Пушкина и благодарный ей за перевод своей поэмы Иван Козлов:

Княжне Абамелек

В душистой тьме ночных часов
От звезд далеких к нам слетая,
Меж волн серебристых облаков
Мелькает пери молодая.
И песнь любви она поет, –
И нам мила той песни сладость,
И в грудь она невольно льет
Тревогу чувств, тоску и радость.
Подобно ей, явилась ты
С ее небесными мечтами,
И в блеске той же красоты,
С ее улыбкой и слезами.
Восток горит в твоих очах,
Во взорах нега упоенья,
Напевы сердца на устах,
А в сердце пламень вдохновенья ¹¹.

Хранящийся в Петербурге, в Пушкинском доме альбом отражает целый ряд, можно сказать, замечательных непосредственно-личных контактов княжны в литературно-культурной среде тех лет. Один из этих замечательных контактов – с П.А.Вяземским – не прерывался до конца жизни поэта (1878). В те начальные годы альбома на страницах его появилось такое стихотворение Вяземского:

Княжне Анне Давыдовне Абамелек

(Перед отъездом в Москву)

Любезной родины прекрасное светило!
Приветствую тебя на чуждой стороне!
На небесах родных ты улыбалась мило,
Но на чужбине ты еще милее мне. ¹²
Других ты радуешь красою светозарной
И яркою игрой живых твоих лучей;
Но ты не говоришь им мысли благодарной
О милых таинствах заветных сердцу дней.
С другими наравне поклонник богомольный
Звезды любви, звезды поэзии молодой –
Один, волнуемый заботою невольной,

¹¹ И.И.Козлов. ПС стихотворений. Л., 1960, с.205.

¹² Стихотворение напоминает о встречах в Италии.

Задумываюсь я, любуюсь тобой.
Мечтой переносюсь в край милый, в жизнь иную...
Воспоминаний луч скользит глубоко в грудь,
И, радуясь в тебе, о небесах тоскую,
К которым ты от нас склоняешь светлый путь¹³.

За подписью «Мечтатель» как бы подводит итог ряду «посвящений» С.Н.Глинка, публикуя в июне 1832 г., в №4 «Дамского журнала» стихотворение «Экспромт», обращенное к княжне Абамелек:

Наш Пушкин, Вяземский, Козлов
Тебя осыпали поэзии цветами.
Что после них сказать? Не нахожу я слов!
Скажу простыми лишь стихами:
Твой ум и твой талант дают тебе венец!..
И это суд сердец! (с.143)

В альбоме кн. Абамелек есть и другие стихотворные «посвящения», записи (как в первый, так и в следующие годы), свидетельствующие о литературных ее интересах и контактах, мы ограничимся здесь лишь самыми и сегодня значащими, показательными. К ним, однако, добавим еще два немаловажных в этом отношении факта.

В фонде А.Д. Баратынской в Пушкинском доме хранится заложенным в альбом Беловой автограф написанного в 1841 г. стихотворения Лермонтова «Последнее новоселье», подаренный ей поэтом. В примечании к этому стихотворению в издании ПСС Лермонтова (т.2, М.-Л.,1938, с.232) сообщается: «Черновой автограф (карандашом) – в альбоме Лермонтова, хранящемся в Гос. публичной библиотеке... Беловой автограф в ИРЛИ (Пушкинский дом), из альбома А.Д. Абамелек (с отличиями от печатного текста)». Ряд сведений об «армянских» связях Лермонтова (в частности с Абамелеками и Лазаревыми) и о подаренном автографе приводит А.П.Базиянц¹⁴, а в «Лермонтовской

¹³ ПСС князя **П. А. Вяземского** в 12 томах. Т.4. СПб., 1880, с.176. А.Д.Баратынской, с которой он общался, переписывался до конца дней, посвящено и одно из последних стихотворений Вяземского «Еще одно последнее сказанье...» (1874, Германия, Гамбург). Вот это небольшое стихотворение:

Из книги жизни временем сурово
Последние повыдраны листы.
Разорванных уж не отыщешь ты
И не вплетешь их в книгу жизни снова.
Не поздно ли уж зачитался я?
Кругом меня и сумрак, и молчанье:
«Еще одно последнее сказанье,
И летопись окончена моя» (1874, Германия, Гамбург).

¹⁴ См. **А.П.Базиянц**. Над архивом Лазаревых, с.78-89. «Хорошо известно, – пишет здесь Базиянц, – что среди добрых знакомых и родственников Лермонтова было немало людей, составлявших московское и столичное армянское общество /.../ Среди добрых знакомых и друзей Лермонтова следует выделить семью Абамелек и особо Анну Давыдовну Абамелек. Если вспомнить, что стихотворение «Последнее новоселье», автограф которого был подарен Анне Давыдовне, написано было в марте-апреле 1841 года, то становится ясным, что М.Ю.Лермонтов и большая поклонница его таланта и переводчица его стихов А.Д.Абамелек сохранили добрые отношения до конца жизни поэта» (с.91).

энциклопедии» говорится: «Л. был хорошо знаком с Б., встречая ее у Карамзиных. Бывал он и у самой Б., муж к-рой И.А.Баратынский (брат поэта Е.А.Баратынского), а также брат С.Д. Абамяк служили вместе с ним в л.-гв. гусарском полку. У Б. хранился список стих. «Смерть поэта». Ей подарил Л. автограф стих. «Последнее новоселье»»¹⁵.

Еще одно немаловажное свидетельство уровня контактов, общений А.Д. Баратынской в литературной среде ее времени – посвященное ей стихотворение Каролины Павловой, написанное в Петербурге в сентябре 1858 года¹⁶.

А. Д. Баратынской

Писали под мою диктовку
Вы, на столе облокотясь,
Склонив чудесную головку,
Потупив луч блестящих глаз.
Бросала на ваш профиль южный
Свой отблеск тихая мечта,
И песнь души моей недужной
Шептали милые уста.
И данную мне небесами
Я гордо сознавала власть,
И поняла, любясь вами,
Что я не вправе духом пасть.
Что не жалка судьба поэта,
Чье вдохновение могло
Так дивно тронуть сердце это
И это озарить чело!..

Наконец, архив А.Д.Баратынской – по сохранившимся письмам к ней – свидетельствует о том, что она состояла в переписке с П.А.Вяземским¹⁷, А.К.Толстым, И.П.Мятлевым, И.С.Тургеневым.

Плоды литературной деятельности А.Д.Баратынской как переводчицы поэзии подытожены в сборниках, которых мы уже коснулись выше: в изданном трижды сборнике ее переводов из русской поэзии на английский и в сборнике ее переводов на русский стихотворений немецких, английских и французских поэтов.

В составе сборника английских переводов «by Russian Lady» главное ме-

¹⁵ «Лермонтовская энциклопедия». М., 1981, с.49.

¹⁶ В комментарии к нему (в: **Каролина Павлова**. ПС стихотворений. М.-Л. (БП), 1964, с.572) читаем: «Впервые – «Русская беседа», 1859, кн.16. В издании 1915 г., т.1, ошибочно отнесено (Брюсов) к А.Д.Блудовой, которая ни возрастом, ни обликом не соответствовала изображенной женщине. К.В. Пигарев установил, что стихотворение относится к А.Д.Баратынской. Это подтверждает ее портрет, хранящийся в Мурановском музее. Павлова была очень близка с Баратынскими и в последний приезд не могла с ними не видаться». Все сомнения относительно адресата стихотворения, опубликованного в 1859 г. под заглавием «А.Д. Б-ой» снимает в указанной нами статье **В.Стефанович**, в архиве А.Д.Баратынской обнаружившая автограф этого стихотворения, без заглавия, с датой «сентябрь 1858» (см. с.143).

¹⁷ Описание и фрагменты переписки с П.А.Вяземским см. у **В.Стефанович**, с.143-144 и с.145-146.

сто занимают переводы из Пушкина – их 19, и подбор, надо сказать, для иностранного читателя достаточно представительный, с преобладанием мотивов любовных и философских: стихотворения «Поэт», «Я вас любил...», «Стансы», «Телега жизни», «Демон», «Анчар», «19 октября 1827», «Дар напрасный, дар случайный», «Я помню чудное мгновенье...» и др., два отрывка из поэмы «Цыганы», под конец и посвященное ей стихотворение, озаглавленное без уточнения «К...». Многими и тоже хорошо подобранными стихотворениями – 16 – представлен и А.К.Толстой («Дробится, и плещет, и брызжет волна», «Не верь мне, друг, когда в избытке горя»), «Средь шумного бала, случайно», «То было раннею весной» и др.), три стихотворения из Лермонтова – «Молитва», «Ветка Палестины», «К портрету/Как мальчик кудрявый резва», 3 стих. из Тютчева – «Последняя любовь», «Слезы», «Не верь, не верь поэту дева», а также 5 из А.С.Хомякова, по одному – Некрасова («Тройка»), Ф.Глинки, Ф.Туманского, И.С.Тургенева, Апухтина.

Высокую оценку этим переводам Баратынской дал академик М.П.Алексеев, он называет их «прекрасными» в своей статье «Пушкин на Западе»¹⁸. В. Стефанович о них пишет: «Они очень добросовестны. Переводчица ищет точности. Сопоставление трех изданий ее английского сборника показывает ряд новых редакций текстов. Она старается приблизиться к оригиналу, сделать более естественным и напевным течение стихотворной речи» (с.149); наиболее удачными представляются переводы из Алексея Толстого: «Видимо, какие-то черты лирического дара этого поэта были близки переводчице /.../ она сама была одарена поэтически, хотя, по утверждению современников /.../ никогда не писала собственных стихов» (там же).

Сборник английских переводов Баратынской, если учесть особенно, насколько был представлен в нем Пушкин (причем стихами, которые до этого на английском не появлялись), стал в свое время значительным вкладом в дело популяризации русской поэзии за рубежом.

В русском сборнике переводов Баратынской из европейских поэтов главенствует Генрих Гейне, его стихотворения составляют здесь больше половины – 25 из 46-ти, и все эти стихи – из «Книги песен». Возможно, сказалось здесь то, что в последние десятилетия Баратынская жила преимущественно в Германии (наезжая в Петербург), и уж несомненно сказалось всеобщее увлечение стихами Гейне в России, вкратце нами обрисованное в начале статьи. Отметив, что переводы «неровны по качеству», изучившая их В.Стефанович далее пишет: «Но все же А.Д.Баратынской удавалось передать черты лиризма Гейне: сочетание нежности и иронии, отзвуки простодушной народной песни, неожиданность концовок. Ее переводы отличаются от большинства распространенных в середине XIX века дилетантских переложений Гейне, толковавших его в шаблонно-романтическом плане “роз” и “грез”» (с.146). На наш взгляд,

¹⁸ М.П.Алексеев. Пушкин на Западе. – В кн.: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». Вып. 3. М.-Л., 1937, с.117.

среди переводов Баратынской из Гейне было для того времени немало удавшихся, при большой близости к оригиналу художественно, поэтически, как русские стихи, полноценных («Зачем поблекли розы...», «Лишь я засну – передо мной...», «Я голову долго над жизнью ломал...», «Больной лежал в постели...» и др.). Конечно, переведенное на русский из европейской поэзии в течение XIX века, в том числе и стихи Гейне, XX век перевел, за какими-то (классическими) исключениями, заново, но переводы Баратынской сохраняют за собой особое и заметное место в истории «русского» Гейне. Выше мы указывали, что один из ее переводов долгое время входил в издания XX века, потом ему на смену пришли новые (*Р. Минкус*, двухтомник 1956 г.; *Т. Сильман*, СС в 6-ти томах, т.1, 1980). Предоставим возможность сегодняшнему читателю сравнить на глаз и на слух три перевода одного стихотворения Гейне:

На сердце гнет, с тоскою смутной	Я как-то грустно-беспокоен,
Я вспоминаю старый век;	Я размечтался о былом:
Казалась жизнь тогда уютной,	Наш мир уютней был устроен,
И жил спокойно человек.	И люди тише жили в нем.
А ныне все глядит убого,	А нынче с петель мир сорвался,
Былой покой навеки стерт,	Везде смятенье, шум и звон!
Там, в небесах, не стало бога,	Вверху, видать, господь скончался,
А под землей скончался черт.	А черт – внизу скончался он.
Во всем печаль, во всем тревога,	На всем какой-то холод тленья,
Повсюду холод, гниль и муть.	Так больно и пестро глазам –
Не будь у нас любви немного,	И только каплей утешенья
Нам негде б было отдохнуть (<i>Р. Минкус</i>).	Любовь еще осталась нам (<i>Т. Сильман</i>).

Порой взгрустнется мне невольно
О милой доброй старине,
Когда жилося так привольно
И в безмятежной тишине.
Теперь везде возня, тревога
Такой во всем переполох,
Как будто нет на небе бога,
А под землю черт издох.
Все мрачно, злобой одержимо,
В природе холод и в крови,
И жизнь была б невыносима,
Не будь в ней крошечки любви

(*А.Б.// А.Д. Баратынская*).

Прочтение одного стихотворения в различных переводах, в каждом из которых по-своему уловлены, переданы смысл и строй, образы и интонация оригинала, очень интересно само по себе. Еще интереснее, когда между переводом и переводом дистанция чуть ли не в целый век. Не прибегая к сравни-

тельным наблюдениям, разбору деталей, признаем просто, что исполненный и опубликованный А.Б. в семидесятые годы XIX века перевод с успехом, а в чем-то и с преимуществом выдерживает состязание с новыми переводами, он, можно сказать, по всем статьям современен сегодня – так же, как современно для нас и само стихотворение Гейне.

В 1986 году в издательстве «Радуга» вышел в свет двуязычный (английский, русский) том поэзии Томаса Мура – одного из самых известных (и переводимых) в XIX веке в России поэтов-романтиков. В издании этом и переводы поэтов XIX века, и переведенное впервые, и переведенное заново, в нем – параллельно современным переводам – представлены и некоторые более ранние, в поэтическом и в историко-культурном отношении примечательные, переводы, в том числе – три перевода А.Д.Баратынской («Когда твой боец, за тебя умирая...», «Арфа стройного Торры...», «Далёко от долов родимого края...»). Заметим, во-первых, что в переводческом выборе Баратынской из стихотворений Мура явно дает себя знать лично-биографический подтекст, а личная эмоциональная подключенность к излившемуся в стихотворении другого поэта всегда во благо переводу; во-вторых, что включение переводов Баратынской в современное издание говорит не только об их ценности среди переводов старинных, но и об их неустарелости. Характеристику же и оценку этих переводов дадим, прибегнув сказанному о них крупнейшим исследователем русско-английских литературных связей академиком М.П.Алексеевым. «Изредка появившиеся в русской печати в это время (1860-80-е годы – Н.Г.-Х.) переводы лирических произведений Мура, – пишет он, – не принадлежат к лучшим, уже накопленным в предшествующие десятилетия в русской литературе. Наиболее удачными из них являлись те, которые вышли из-под пера переводчиков, воспитанных в переводческих традициях предшествующих десятилетий. Таковы были, например, переводы, принадлежащие А.Д.Абамелек-Баратынской (1814-1889), воспетой еще Пушкиным. Это была многоязычная переводчица, переводившая на английский язык стихи Пушкина и немецких поэтов, а на русский стихи английских, немецких и французских поэтов; в ее виртуозной переводческой версификации многое напоминало К.Павлову; переводы свои перед опубликованием она нередко посылала на предварительный просмотр Вяземскому». Приведа далее первую строфу стихотворения Мура («Арфа...») в оригинале и переводе, М.П.Алексеев заключает: «Это очень точный перевод одной из начальных «Ирландских мелодий» Мура /.../, состоящей из 16 стихотворных строк, которые Баратынская воспроизводит, придерживаясь их общего счета и поэтической фразеологии»¹⁹.

Изложенное в статье дает все основания заключить, что А.Д.Абамелек-Лазарева, она же – А.Д.Баратынская не только внесла ощутимый вклад в историю русского стихотворного перевода, но и вообще оставила свой разнообразно-заметный след и в русской литературе, и в русской живописи.

¹⁹ М. П. Алексеев. Литературное наследство// Русско-английские литературные связи. Т. 91. М., 1982, с. 777-779.

Ключевые слова: армянские корни, Лазаревы, Абамелеки, Анна Абамелек (Баратинская), посвящения, Пушкин, Вяземский, Гейне

ՆԱՏԱԼԻԱ ԳՈՆՉԱՐ-ԽԱՆՋՅԱՆ – Ա. Բ. – Ա. Դ. Բարատինսկայա՝ Ա. Դ. Աբամելիք - Լազարևա (անձնային որակները, գրական կապերը և գործունեությունը) – Հայ և ռուս հեղինակների ուսումնասիրությունների շնորհիվ պարզ է դառնում, թե Ռուսաստանի տնտեսական, քաղաքական ու մշակութային կյանքում ինչ շոշափելի ավանդ են ունեցել Լազարյաններ և Աբամելիքներ հայկական իշխանական տոհմերը: Սույն հոդվածը նվիրված է XIX դ. ռուս գրական-մշակութային միջավայրում այդ տոհմերի ներկայացուցիչ Աննա Աբամելիքին (ամուսնական ազգանունն է Ա. Դ. Բարատինսկայա): Հոդվածում ներկայացվում են վերջինիս կենսագրական ու գրական դիմանկարը, ինչպես նաև փաստեր ռուս բանաստեղծների հետ նրա խիստ նշանակալից կապերի մասին (նրան նվիրված բանաստեղծական ընծայագրեր, նամակագրություն և այլն): Բնութագրվում ու գնահատվում են եվրոպական պոեզիայից ռուսերեն և ռուս պոեզիայից անգլերեն նրա կատարած թարգմանությունները:

Բանալի բառեր - հայկական արմատներ, Լազարյաններ, Աբամելիքներ, Աննա Աբամելիք (Բարատինսկայա), ընծայագրեր, Պուշկին, Վյազեմսկի, Հայնե,

NATALIA GONCHAR-KHANJYAN – A. B. – A. D. Baratinskaya – A. D. Abamelek-Lazareva (Personal traits, literary connections and works). – It is known from studies of Armenian and Russian authors that Armenian Lazarev and Abamelek dynasties had done an appreciable contribution in the economic, political and cultural life of Russia. This paper talks on a remarkable representative of this dynasties – Anna Abamelek, in marriage A.D. Baratinskaya, who has been much courted in Russian literary-cultural environment of XIX century. The paper gives her biographic and literary portrait, presents her connections with famous Russian poets (their verses to her, reciprocal correspondence), defines and appreciates her works as a translator of poetry.

Key Words: armenians roots, Lazarevs, Abameleks, Anna Abamelek (Baratinskaya), dedications, Pushkin, Vyazemsky, Heine